

К ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ПАТРИОТИЗМУ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ – ЧЛЕНАХ ЕС

С.П. Глинкина, Н.В. Куликова

DOI: 10.33293/1609-1442-2019-2(85)-131-149

В статье анализируются предпосылки и последствия формирования в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) – новых членах ЕС модели зависимого капитализма, базирующейся на широкомасштабном притоке иностранных инвестиций и координации хозяйственных связей между иерархиями транснациональных корпораций. Отмечается, что руководство стран ЦВЕ сталкивается с парадоксом неолберальной демократии – необходимостью отвечать на социальные требования граждан, обладая при этом сужающимся контролем над национальной экономикой. Оцениваются перспективы сохранения модели «зависимого капитализма»¹ в регионе в условиях новых посткризис-

© Глинкина С.П., Куликова Н.В., 2019 г.

Глинкина Светлана Павловна, д.э.н., профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Международные экономические и политические исследования» Института экономики РАН, заведующая кафедрой общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова Москва, Россия, sveglinkina@yandex.ru;

Куликова Наталья Владимировна, к.г.н., ведущий научный сотрудник, заведующая Центром восточноевропейских исследований Института экономики РАН, Москва, Россия, kulikova.work@gmail.com.

¹ «Dependent capitalism», «Dependent market economy» – устоявшиеся термины в англоязычных научных трудах о разновидностях капитализма. Этими терминами обозначается модель рыночной экономики с сильным влиянием иностранных ТНК на развитие. Мы считаем оправданным применение точного русского перевода этих терминов («зависимый

ных тенденций в мировой экономике, в частности сокращения трансграничных потоков капитала и замедления роста международной торговли.

Исследуются источники экономического роста, задерживаемые в странах ЦВЕ для выхода из затяжной стагнации, в которой они оказались после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Доказано, что опора на рост внутреннего потребления при ослаблении экспортной ориентации экономики ведет к потере странами ЦВЕ важных сравнительных преимуществ. Опережающий рост заработной платы по сравнению с ростом производительности труда, истощение резервов использования трудовых ресурсов ведут к снижению конкурентоспособности экономики региона.

Особое внимание уделено анализу предпосылок распространения в регионе идеологии экономического национализма. На примере Венгрии – долгие годы лидера по притоку иностранного капитала среди стран ЦВЕ – показаны инструменты реализации экономической политики, преследующей цель восстановления контроля государства над рыночной экономикой, предпринята попытка оценить эффективность этой политики. Делается вывод о том, что вопреки либеральным догматам, господствующим в экономической теории, использование инструментов экономического национализма может быть довольно эффективным даже в условиях небольших по размеру постсоциалистических стран Европы.

Ключевые слова: трансформационные реформы, зависимая рыночная экономика, иностранные инвестиции, экономическое развитие, новая экономическая политика, парадокс неолберальной демократии, экономический национализм, страны Центральной и Восточной Европы.

JEL: B52, P00, P10, P20, P30, P51, P52, O57.

капитализм», «зависимая рыночная экономика») для определения модели экономики, сложившейся в странах ЦВЕ по итогам постсоциалистической трансформации и развития в составе ЕС. Наряду с «зависимой рыночной экономикой» в теориях разновидностей капитализма выделяются «либеральная рыночная экономика», «регулируемая рыночная экономика» и др., о чем мы писали в наших работах, в частности тех, на которые ссылаемся в данной статье (Glinkina, 2017; Глинкина, Куликова, 2017, 2018).

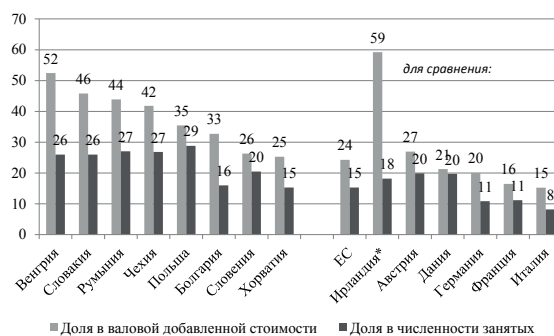
ВВЕДЕНИЕ

Переход бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы – ныне членов Европейского Союза² (далее – страны ЦВЕ) от социалистической системы хозяйства к капиталистической, совершенный путем переноса на национальную почву в полном объеме либеральных институциональных норм, существующих в ЕС, предопределил их попадание в число стран с зависимой рыночной экономикой, или так называемым *зависимым капитализмом* (Глинка, Куликова, 2017, с. 84–89).

После снятия в соответствии с правилами Евросоюза всех ограничений на деятельность западноевропейских компаний и банков на своей территории страны ЦВЕ не смогли противостоять захвату неокрепших национальных экономик иностранным капиталом. Более того, ему способствовала и экономическая политика правительств, стремившихся привлечь как можно больше иностранных инвестиций с помощью предоставления налоговых льгот и других привилегий инвесторам. По последним данным Евростата доля предприятий под иностранным контролем в создании валовой добавленной стоимости в коммерческом нефинансовом секторе экономики в 2015 г. варьировала в странах Вышеградской группы³ и Румынии, привлечших основную часть прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в регионе, от 35 до 52%, а доля в численности занятых – от 26 до 29%, что значительно превышает показатели крупнейших стран ЕС (рис. 1); некоторые из отраслей

полностью оказались в руках иностранных компаний. Аналогичные процессы проходили в финансовом секторе: иностранные банковские структуры стали контролировать около 80% банковских активов в регионе. В такой ситуации основной чертой экономики стран ЦВЕ стала фундаментальная зависимость ее развития от инвестиционных решений ТНК и кредитной политики иностранных банков.

Среди научных публикаций, посвященных проблематике экономического развития стран ЦВЕ, преобладают труды зарубежных авторов, акцентирующих внимание на преимуществах сложившейся в них модели экономики и фактически позиционирующих эти страны как образец для подражания, следование которому обеспечит успех в реформировании экономики и экономическом развитии другим странам с формирующимся рынком, и относительно немногочисленны работы с критическим подходом авторов к модели экономики восточноевропейских стран, показывающие ее недостатки (Podkaminer, 2013)

* Страна ЕС с самой большой долей иностранных филиалов в ВДС.

Рис. 1. Доля предприятий под иностранным контролем в валовой добавленной стоимости и общей численности занятых в коммерческом нефинансовом секторе экономики в странах ЦВЕ и некоторых «старых» странах – членах ЕС в 2015 г., %

Примечание: для ЕС и Дании данные за 2014 г.

Источник: Eurostat. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=egi_val&lang=en; http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=egi_eml&lang=en.

² Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия.

³ Вышеградская группа, также известная как Вышеградская четверка, – объединение Венгрии, Польши, Словакии и Чехии, образованное в результате встречи президентов Польши и Чехословакии и премьер-министра Венгрии 15 февраля 1991 г. в венгерском городе Вишеград, где была подписана совместная декларация о стремлении к интеграции в европейские структуры.

и, в частности, неоднозначные эффекты опоры на иностранный капитал (Békés et al., 2009; Chikan et al., 2018; Damijan et al., 2008; Geršl et al., 2007; Kinoshita, 2011; Zajc Kejžar, 2011). В данной статье поставлена задача определить с помощью методов статистического, качественного и сравнительного анализа действительные последствия попадания стран ЦВЕ в категорию стран с зависимой рыночной экономикой, выявить возникшие в связи с ним проблемы и рассмотреть способные их преодолеть меры экономической политики.

1. РАЗВИТИЕ В РАМКАХ МОДЕЛИ ЗАВИСИМОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ: ОТ БУРНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА К ГЛУБОКОМУ СПАДУ И ЗАТЯЖНОЙ СТАГНАЦИИ

Результаты развития стран ЦВЕ в рамках модели зависимой рыночной экономики неоднозначны. С одной стороны, обильный приток иностранного капитала, наблюдавшийся до начала мирового финансового кризиса, способствовал экономическому росту. Прямые иностранные инвестиции повысили общую факторную производительность, конкурентоспособность и экспортную ориентацию производства, а кредитная экспансия дочек иностранных банков поддерживала экономический рост, разогревая внутренний спрос, особенно потребительский. В результате страны ЦВЕ с начала 2000-х гг. вошли в число наиболее динамично развивавшихся стран мира (табл. 1).

С другой стороны, в экономике большинства стран ЦВЕ возникли крупные внешние и внутренние дисбалансы, приведшие к долговым проблемам. Разрослись финансовый сектор и сектор недвижимости в ущерб традиционным видам хозяйственной деятельности. Не вызвавшие интереса иностранных инвесторов производства пришли в упадок.

Впечатляющий рост экспорта был обеспечен в основном внутрифирменным обменом в рамках цепей поставок ТНК при слабом увеличении поставок на внешние рынки отечественной продукции. Внешняя торговля почти полностью замкнулась на рынок ЕС (на него стало приходиться около 80% всего экспорта стран ЦВЕ), что сделало экономику глубоко зависимой от его конъюнктуры.

Несмотря на имплементацию всех институциональных норм ЕС, у стран ЦВЕ *не возникло сравнительных преимуществ*, присущих странам с либеральной рыночной экономикой и базирующихся на радикальных технологических инновациях. Сравнительные преимущества стран ЦВЕ остались ограничены относительно низкими затратами на труд при достаточно квалифицированной рабочей силе, они и использовались иностранными инвесторами преимущественно для размещения здесь производств среднего технологического уровня. Причем трансфер технологий на предприятия, создаваемые в основном в форме филиалов ТНК, осуществлялся без каких-либо рисков утечки за их пределы, которые обычно возникают при создании совместных предприятий. В результате экономика распалась на два сектора: национальный – технологически отсталый и низкорентабельный и иностранный – более эффективный и конкурентоспособный, но готовый в любой момент перебазироваться в другие страны в случае формирования там более благоприятных условий (Глинкина, Куликова, 2018, с. 17).

Все это сделало экономику этих стран крайне уязвимой к воздействию негативных явлений в мировом производстве и финансах. Резкое сокращение притока иностранного капитала и падение спроса на внешних рынках с началом мирового финансового кризиса ввергли страны ЦВЕ (за исключением Польши) в глубокую экономическую рецессию (Куликова, 2011, с. 31–36), за которой последовал длительный период застоя и повторных спадов в экономике, во многом связанных с кризисом суверенных долгов и очередным снижением деловой активности в еврозоне (Центральная

Таблица 1
Динамика реального ВВП

Страна	Темпы прироста реального ВВП по отношению к предыдущему году, %						
	2000–2008 гг., в среднем в год	2009 г.	2010–2013 гг., в среднем в год	2014–2017 гг., в среднем в год	Оценка МВФ		
					2018 г.	2019 г.	2020 г.
Болгария	6,0	–3,6	1,0	3,1	3,6	3,1	2,8
Венгрия	3,4	–6,6	0,7	3,4	4,0	3,3	2,6
Польша	4,1	2,8	2,9	3,7	4,4	3,5	3,0
Румыния	6,1	–5,9	1,0	4,6	4,0	3,4	3,3
Словакия	5,7	–5,4	2,8	3,3	3,9	4,1	3,8
Словения	4,2	–7,8	–0,5	3,2	4,5	3,4	2,8
Хорватия	4,2	–7,3	–1,2	2,1	2,8	2,6	2,4
Чехия	4,3	–4,8	0,7	3,7	3,1	3,0	2,5
Для сравнения							
Германия	1,6	–5,6	2,2	2,0	1,9	1,9	1,6
Еврозона*	2,0	–4,5	0,7	1,9	2,0	1,9	1,7
ЕС–15**	2,1	–4,4	0,8	2,0	...	...	...
ЕС	2,4	–4,2	1,0	2,2	2,2	2,0	1,8
Мир	4,3	–0,1	4,2	3,5	3,7	3,7	3,7

* В нынешнем составе из 19 стран.

** 15 стран, входивших в ЕС до расширения на Восток в 2004 г.

Источник: IMF. World Economic Outlook Database, October 2018. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/02/weodata/index.aspx>; для ЕС–15 – UNCTADstat. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx>.

и Восточная Европа..., 2014, с. 18–22). В 2010–2013 гг. в Хорватии продолжалась экономическая рецессия; в Венгрии, Румынии, Словении и Чехии кратковременные оживления в экономике сменялись новыми спадами; экономика Болгарии постоянно находилась в стагнации. В такое же состояние после начавшегося было достаточно быстрого восстановления в 2010–2011 гг. пришли экономики Польши и Словакии, в которых темпы годового прироста ВВП в 2012–2013 гг. составляли не более 1,4–1,7%.

2. ЦИКЛИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ ПРИ ИЗМЕНЕНИИ ИСТОЧНИКОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

После пяти лет спадов и застоя экономика Центральной и Восточной Европы во-

шла наконец в фазу циклического подъема (см. табл. 1). Средние годовые темпы прироста ВВП стран региона в 2014–2017 гг. составили 3,4%, превывсив в 1,7 раза показатель ЕС–15. Ускорение экономического роста происходило на фоне кардинальных изменений в его источниках. Основным из них послужило потребление домашних хозяйств, объем которого в 2017 г. увеличился в странах ЦВЕ в среднем на 15,6% по сравнению с 2013 г. – это объясняется ниже: 1) *увеличением числа занятых*; 2) *растущим дефицитом рабочей силы, вынуждающим компании повышать заработную плату даже в ущерб рентабельности*; 3) *увеличением социальных пособий – в некоторых странах*; 4) *оживлением кредитования населения*. Такое увеличение стало следствием значительного, даже ниже докризисных минимумов сокращения безработицы (табл. 2), внушительного, существенно опережающего инфляцию, повышения заработной

Таблица 2
Уровень безработицы

Страны	Безработные, % от экономически активного населения			
	2008 г.	Maximum (год)	2017 г.	2018 г.
Болгария	5,6	13,0 (2013)	6,2	5,3
Венгрия	7,8	11,2 (2010)	4,2	Н.д.
Польша	7,1	10,3 (2013)	4,9	3,8
Румыния	5,6	7,2 (2011)	4,9	4,1
Словакия	9,6	14,5 (2010)	8,1	6,6
Словения	4,4	10,1 (2013)	6,6	5,4
Хорватия	8,6	17,4 (2013)	11,0	8,5
Чехия	4,4	7,3 (2010)	2,9	2,2
Для сравнения				
ЕС–15	7,0	10,9 (2013)	7,6	7,0

Источник: Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tps00203&plugin=1>.

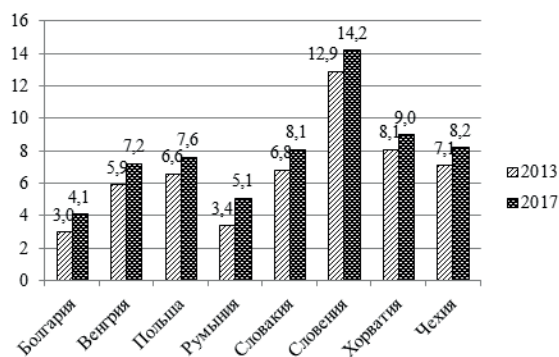

Рис. 2. Средняя заработная плата в расчете на 1 ч рабочего времени, евро

Источник: Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&pcode=tps00173> (дата обращения 03.02.2018).

платы – в среднем на 22,5% за 2014–2017 гг. в расчете на 1 ч рабочего времени (рис. 2), а также оживления кредитования населения по мере оздоровления финансовых балансов банков и укрепления уверенности заемщиков. В некоторых странах, например в Польше, росту частного потребления способствовало также увеличение социальных выплат.

Вклад валовых капиталовложений в рост ВВП до недавнего времени оставался слабым, а в некоторых странах даже отрицательным в основном по причине уменьшения государственных инвестиций из-за задержки в использовании средств структурных и других целевых фондов ЕС на старте его нового бюджетного периода 2014–2020 гг. Лишь с 2017 г. деловая активность стала поддерживаться ростом не только потребления (хотя этот фактор остался главным), но и *других составляющих внутреннего спроса*. Государственные инвестиции активизировались благодаря увеличению объемов освоения структурных и инвестиционных фондов ЕС. В 2017 г. за счет этих фондов была профинансирована примерно половина государственных инвестиций в Румынии и Венгрии и около одной трети в других странах ЦВЕ (IMF, 2018, р. 2).

Частные инвестиции в ряде стран также начали восстанавливаться, хотя и значительно более скромными темпами. В Венгрии, например, общая инвестиционная активность повысилась как в результате реализации проектов, получающих финансовую поддержку из бюджета ЕС, так и вследствие капиталовложений в модернизацию мощностей в обрабатывающей промышленности, в частности, в производстве автомобилей и IT-оборудования (COFACE, 2018, р. 10). Тем не менее норма инвестиций во всех странах ЦВЕ остается значительно более низкой, чем была до мирового кризиса, и в большей их части намного уступает среднемировому уровню (рис. 3).

Благодаря сохраняющейся конкурентоспособности производимой в странах ЦВЕ продукции, пока еще относительно благоприятным условиям на рынке труда и географической близости к Западной Европе, чистый приток ПИИ в регион остается положительным, однако его объем значительно сократился по сравнению с докризисным периодом 2004–2008 гг. В результате доля стран ЦВЕ снижается как в мировом притоке ПИИ, так и в их мировом накопленном объеме (рис. 4).

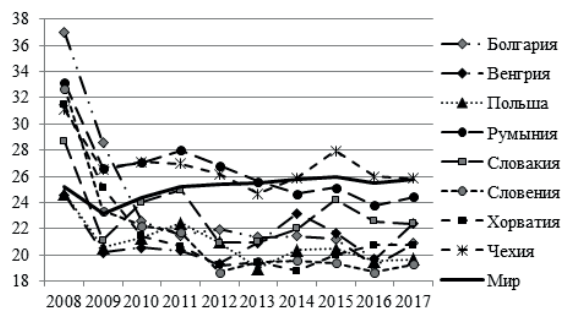

Рис. 3. Инвестиции, % ВВП

Источник: IMF. World Economic Outlook Database. October 2018. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/02/weodata/index.aspx>.

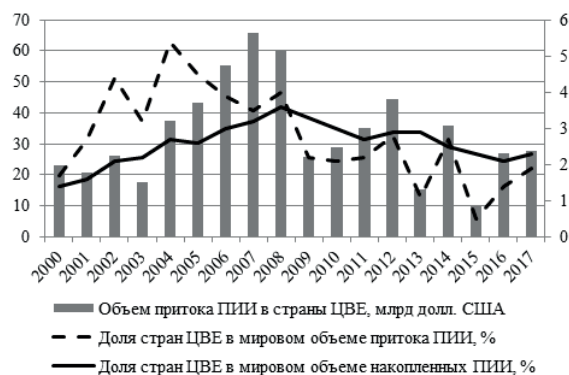

Рис. 4. Прямые иностранные инвестиции

Источник: UNCTADstat. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx>.

Рост экспорта после 2013 г. ускорился в основном благодаря некоторому оживлению экономики и спроса в Западной Европе, являющейся основным экспортным рынком для стран ЦВЕ. Компании некоторых стран (например, Польши) стали более активно экспортировать продукцию также за пределы Евросоюза. Тем не менее экспорт растет в два раза медленнее, чем до мирового финансового кризиса (табл. 3), и в результате быстрого роста импорта вклад чистого экспорта в рост ВВП значительно уменьшился⁴.

⁴ И в более ранние годы экспорт во многих странах ЦВЕ рос быстрее, чем в настоящее время, но

Таблица 3

Темпы прироста объема экспорта товаров
в долл. США, %

Страна	2004–2007 гг., в среднем в год	2014–2017 гг., в среднем в год
Болгария	25,6	5,5
Венгрия	13,5	8,2
Польша	10,1	7,9
Румыния	8,6	7,4
Словакия	19,7	5,3
Словения	13,9	7,2
Хорватия	10,0	8,2
Чехия	22,4	6,4
Для сравнения		
Мир	9,0	3,0

Источник: IMF. World Economic Outlook Database. October 2018. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/02/weodata/index.aspx>.

Возобновлению экономического роста в странах ЦВЕ способствовала комфортная макроэкономическая среда. Мягкая денежно-кредитная политика Европейского центрального банка создавала благоприятные внешние финансовые условия. Центральные банки стран, не входящих в еврозону и применяющих режим таргетирования инфляции, также проводили денежно-кредитную политику, направленную на поддержание экономического роста. Ключевую процентную ставку начали повышать только Чешский национальный банк (в 2017 г.) и Национальный банк Румынии (в 2018 г.).

Налогово-бюджетная политика стран ЦВЕ также содействовала началу экономического подъема, в большинстве случаев стимулируя рост экономики в рамках бюджетных дефицитов, допускаемых Маастрихтскими критериями финансовой стабильности (табл. 4). Центральные банки некоторых стран снижали ставки налогов. В Венгрии, например, корпоративный налог в 2017 г. был сокращен до 9% – самого низкого уровня в Европе.

его динамика в 1990-х – начале 2000-х гг. не рассматривается, а сравнивается только новейший период с последними предкризисными годами.

Таблица 4
Сальдо государственного бюджета, % ВВП

Страна	2009–2013 гг., в среднем в год	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Болгария	–2,0	–5,4	–1,7	0,2	1,1
Венгрия	–3,9	–2,6	–1,9	–1,6	–2,2
Польша	–5,4	–3,7	–2,7	–2,2	–1,4
Румыния	–5,5	–1,3	–0,7	–2,9	–2,9
Словакия	–5,3	–2,7	–2,6	–2,2	–0,8
Словения	–7,4	–5,5	–2,8	–1,9	0,1
Хорватия	–6,2	–5,1	–3,4	–0,9	0,9
Чехия	–3,5	–2,1	–0,6	0,7	1,5
Для сравнения					
ЕС	–5,0	–2,9	–2,3	–1,7	–1,0

И с т о ч н и к: Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&pcode=tec00127>.

Эта мера принесла пользу в основном венгерским и иностранным компаниям среднего размера. Эффективные налоговые ставки для крупных иностранных транснациональных корпораций, в частности для немецких автопроизводителей, были значительно сокращены еще раньше посредством предоставления государственных субсидий и налоговых льгот (COFACE, 2018, p. 10).

3. РИСКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И ПРИОРИТЕТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

При оценке экономических перспектив стран ЦВЕ необходимо исходить из того, что исключительно благоприятные докризисные внешние условия развития вряд ли когда-нибудь возвратятся. Это следует из более скромных, чем прежде, международных потоков капитала, ослабления динамики международной торговли, произошедших и продолжающихся структурных сдвигов в мировой экономике, долгосрочных мировых тенденций в области технологий, изменений в международной специализации стран, нарастающего

протекционизма в международной торговле, который грозит разрушением сложившихся глобальных производственно-сбытовых цепочек и крайне опасен для экспортоориентированной и глубоко интегрированной в такие цепочки экономики региона. Эти тенденции свидетельствуют о больших рисках сохранения в странах ЦВЕ модели развития, в основе которой в течение многих лет лежали активное привлечение иностранного капитала во всех формах и ориентация на высокий внешний спрос.

Вместе с тем сформировавшаяся в последние годы в странах ЦВЕ новая модель экономического роста не обеспечивает достижения темпов роста мировой экономики. Тем более, вызывает сомнение ее способность поддерживать устойчивый экономический рост в будущем. Уровень загрузки производственных мощностей во многих странах ЦВЕ достиг исторических максимумов, текущее предложение на рынках труда находится ниже средних исторических показателей, разрыв между потенциальным и фактическим объемами производства почти ликвидирован. Иными словами, экономика этих стран уже практически работает на полную мощность. Долгосрочный потенциал роста (максимально приемлемый рост производства без перегрева экономики) оценивается в большинстве стран

ЦВЕ значительно ниже, чем до мирового финансового кризиса (МВФ, 2017). Основными причинами этого являются слабый рост факторной производительности, низкие нормы инвестиций и сокращение трудовых ресурсов.

Рынок труда в регионе становится все более напряженным. Вследствие стремительного падения предложения рабочей силы во многих странах начинает остро ощущаться ее нехватка, особенно в части квалифицированных кадров, и это превращается в серьезное препятствие расширению бизнеса и росту экономики. Резервов для изменения ситуации к лучшему остается все меньше. Уровень занятости населения почти во всех странах ЦВЕ уже сравнялся со средним по ЕС (рис. 5), а Чехия практически догнала европейских лидеров – Германию и Швецию. В дальнейшем предложение на рынках труда может еще снижаться в результате прогрессирующего старения населения и миграционного оттока, возросшего после вступления стран в ЕС и шенгенскую зону.

Вынужденное в условиях дефицита рабочей силы повышение заработной платы, почти вдвое опережающее в последние годы рост производительности труда, ведет к снижению рентабельности компаний. Пока еще уровень рентабельности в странах ЦВЕ примерно на 10 п.п. выше, чем в развитых странах Европы (IMF, 2018, p. 7), и у компаний оста-

ется возможность выдерживать рост удельных затрат на рабочую силу. Однако продолжение быстрого роста заработной платы неизбежно начнет угрожать конкурентоспособности экономики, подрывать ее экспортные возможности и привлекательность для иностранных инвесторов, которая остается критически важной для экономического развития стран ЦВЕ.

Денежно-кредитная и фискальная политика, также как и повышение доходов населения, не смогут долго поддерживать экономический рост, не связанный, в отличие от докризисного периода, с ростом производительности факторов производства или радикальными структурными изменениями в экономике.

С учетом всех этих обстоятельств экономические перспективы Центрально-Восточной Европы расцениваются аналитиками как мало обнадеживающие. После достижения странами региона в 2017 г. пикового прироста ВВП в среднем на 4,3% МВФ прогнозирует неуклонное снижение его темпов до 2,6% в 2023 г.⁵ Рассчитывать на поддержку экономического роста со стороны внешнего спроса не приходится, в основных странах-партнерах ожидается очередное замедление восстановления экономики. Переломить тенденцию ухудшения экономической динамики могут помочь только меры, направленные на повышение долгосрочного потенциала роста за счет более эффективного использования внутренних возможностей. Эти меры должны выдвинуть на первый план экономической политики новые приоритеты:

- корректировку денежно-кредитной политики с учетом более низких долгосрочных уровней притока иностранного капитала;
- поддержку отечественных производителей;
- переориентацию финансовых учреждений на обслуживание стартапов в новых сферах;

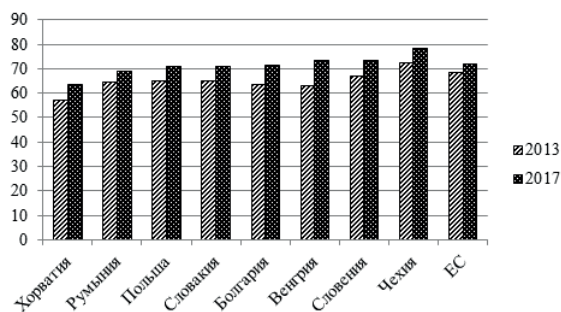

Рис. 5. Уровень занятости населения в возрасте 20–64 лет, %

Источник: Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=t2020_10&plugin=1.

⁵ IMF. World Economic Outlook Database, October 2018. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/02/weodata/index.aspx>.

- инвестирование в цифровую инфраструктуру;
- развитие науки;
- развитие человеческого потенциала посредством повышения качества образования и здравоохранения;
- адаптацию учебных программ в системах образования и профессионального обучения к потребностям в кадрах новых инновационных фирм;
- организацию эффективного повышения квалификации безработных;
- стимулирование к трудовой деятельности еще остающихся резервов трудоспособного населения (в частности, женщин и лиц пенсионного возраста);
- нацеливание социальной политики на устранение неравенства возможностей путем более равномерного распределения дохода и расширения доступа малоимущего населения к качественному образованию (Центральная и Восточная Европа..., 2018, с. 29–30).

Важной задачей для стран ЦВЕ остается также возвращение внешней торговле прежней роли двигателя экономического роста. Решение этой задачи кроется в перемещении ресурсов и стимулов для создания новых рабочих мест из секторов, производящих не торгуемые на внешнем рынке товары и услуги в конкурентоспособные на международном уровне производства, в модификации внешнеторговой политики с учетом меняющегося международного разделения труда, в переходе от форсирования экспорта товаров к наращиванию экспорта услуг (доля которых в мировом потреблении увеличивается), в диверсификации внешнеэкономических связей с целью снижения зависимости от находящегося в состоянии застоя западноевропейского рынка и извлечения большей выгоды из рынков быстроразвивающихся стран, прежде всего азиатских.

Среди многоплановых усилий, направленных на создание прочных основ для экономического роста, привлекают внимание элементы так называемого *экономического национализма*, которые проявились в политике ряда стран ЦВЕ.

4. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ – АЛЬТЕРНАТИВА «ЗАВИСИМОМУ КАПИТАЛИЗМУ»

Предпосылки формирования феномена экономического национализма в странах ЦВЕ стали складываться еще на старте трансформационных реформ, инициированных, по свидетельству всемирно известного венгерского экономиста Яноша Корнай – одного из наиболее ярких в 1980-е гг. критиков плановой системы хозяйствования, «базирующимися в Вашингтоне международными финансовыми организациями и постепенно продолженными Европейским Союзом... Многие изменения были навязаны этим странам с помощью внешнего давления или, по меньшей мере, это давление ускорило реализацию изменений» (Корнай, 2006, с. 27).

Довольно скоро стало очевидно, что национальные экономики в значительной степени регулируются институтами глобального управления – поборниками максимальной либерализации экономических взаимодействий, а также наднациональными органами ЕС и иерархиями ТНК (Глинкина, 2017, с. 13–14). Национальные границы оказались полностью открыты для потоков капитала, товаров, услуг и рабочей силы; государства под действием норм европейского права были вынуждены исключить из своих практик механизмы, которые в прошлом использовались для борьбы с возможными негативными последствиями открытых границ. При этом новые демократические государства ЕС вынуждены отвечать на чаяния населения, значительная часть которого оказалась разочарованной результатами трансформационных реформ и членства в ЕС. Таким образом, в странах ЦВЕ с очевидностью проявился так называемый *парадокс неолиберальной демократии*. Речь идет о ситуации, в которой оказывается руководство всякого демократического государства, когда оно должно отвечать требованиям граждан, обладая при этом все меньшим контролем над национальной экономикой (Crouch, 2008).

Естественным ответом на сложившуюся ситуацию стал поиск долгое время абсолютно «послушными» воле Евросоюза странами – новыми членами инструментов восстановления хотя бы минимального контроля над национальными рынками. Для национальных элит политика экономического национализма становилась, с одной стороны, инструментом балансирования между игрой по международным правилам при почти полной (для некоторых стран) утрате контроля над экономикой, а с другой – проведением государственных интервенций теми методами, которые позволяют защищать национальное производство, особые черты и традиции местных сообществ (Goff, 2007). Такая политика стала попыткой изменить сложившуюся в странах ЦВЕ модель развития в условиях серьезно сократившихся прежних источников экономического роста, застопорившегося процесса конвергенции в рамках ЕС, серьезного институционального кризиса в Евросоюзе, сокращения поступлений из структурных фондов ЕС, а также таких требующих решения социальных проблем, как рост дифференциации доходов и депопуляция.

Такой поворот событий стал неожиданностью для международных организаций и транснационального капитала, поскольку казалось, что им удалось убедить страны ЦВЕ в том, что полное членство в ЕС, а также встраивание ряда отраслей их экономики в международные цепочки поставок – огромный успех трансформационных реформ, гарантия решения всех проблем развития. Серьезные конфликты между пытающимися проводить политику государственного интервенционализма странами и поборниками господствовавших долгие годы в мировой экономике методов либерального управления оказались неизбежными. Политику *экономического национализма* в либеральных средствах массовой информации, да и многих научных работах либерального толка сразу же окрестили безответственным популизмом, провозгласили и недопустимой, и неэффективной, хотя, очевидно, ее инструменты (создание институтов, поддерживающих национальных това-

ропроизводителей, содействие становлению национальных «чемпионов бизнеса» и т.д.) широко использовались всеми развитыми государствами Европы после Второй мировой войны и активно применяются сегодня быстро развивающимися государствами Юго-Восточной Азии и Китаем.

Все эти обстоятельства делают чрезвычайно актуальным анализ явления экономического национализма в странах – новых членах ЕС. Необходимо понять не только корни данного феномена, но и границы возможного применения инструментов экономического национализма в интересах восстановления заметного контроля над национальной рыночной экономикой в небольших европейских государствах.

Попытаемся ответить на эти вопросы на примере Венгрии, хотя элементы экономического национализма усилились в последние годы и в других странах ЦВЕ, в частности в Польше и Румынии. В Венгрии – долгое время лидере в притоке иностранных инвестиций в регионе отдельные элементы экономического национализма как политики государственного вмешательства в рыночную экономику с целью восстановления определенного контроля над ней, создания благоприятной симметрии и взаимозависимости с другими странами в посткризисные годы стали складываться в более или менее комплексную программу развития страны. Ее реализация ассоциируется с именем премьер-министра Виктора Орбана, пришедшего к власти в сложный для Венгрии 2010 г., характеризовавшийся ухудшением всех макроэкономических показателей развития страны. Новая политика получила название *экономического патриотизма*, предусматривающего не просто вмешательство государства в экономику, но и меры содействия определенным социальным группам, фирмам или секторам экономики по принципу территориальной принадлежности («дискриминация в пользу инсайдеров») (Clift, Woll, 2012, p. 307–323).

Придя к власти, В. Орбан заявил, что, поскольку бремя мирового кризиса в основ-

ном легло на плечи венгерских налогоплательщиков, будет справедливо, если больше тягот возьмут на себя те, кто смог извлечь из страны сверхприбыли, а ими оказались прежде всего транснациональные корпорации. Было признано, что безопасность национальной экономики немыслима без национального влияния (Buckley, 2016). В результате в экономической политике появились три направления, полностью согласующиеся с идеологией экономического национализма и во многом противоречащие духу, а нередко и букве европейского права это: 1) поддержка отечественных товаропроизводителей; 2) ограничение роли иностранного капитала в ряде отраслей экономики; 3) увеличение финансового бремени для филиалов ТНК (Волотов, Волотов, 2015, с. 128–133).

Справедливости ради следует отметить, что еще до прихода к власти В. Орбана венгерское государство предпринимало попытки противостоять процессу поглощения отечественного бизнеса иностранными компаниями. Так, в 2007 г. по инициативе тогдашнего премьер-министра Ференца Дьюрчяни был принят ряд законов, вносящих поправки в порядок голосования акционеров, а также открывающих компаниям возможности выкупа своих акций, что делало их менее уязвимыми к поглощениям со стороны иностранных корпораций. Поводом для введения таких мер послужили приход на рынок и дальнейшая агрессивная политика австрийской нефтегазовой компании OMV, которая тут же начала активно воздействовать на своего прямого конкурента – венгерскую компанию MOL (Naczyk, 2015). Новое венгерское правительство использовало эти меры в борьбе против слияний и поглощений национальных компаний иностранным капиталом. Обращаясь к этой практике, государству удалось выкупить существенную долю акций в той же MOL и автомобильном холдинге Rába.

Правительство В. Орбана исходило из того, что национальная независимость в мирное время базируется на независимости средств массовой информации, энерге-

тики, финансов и торговли. Именно в этих отраслях венгерской экономики присутствие иностранного капитала было особенно заметным. Поэтому введение в 2010 г. особого антикризисного налога в энергетике, сфере телекоммуникаций и крупной розничной торговле многими было воспринято как атака на иностранный капитал, хотя формально таковым не являлось. Налог взимался с годового оборота организации, а не с прибыли, что блокировало активность предприятий по занижению налогооблагаемой базы.

Под «патриотический огонь» попали банки, 80% активов которых принадлежало иностранцам. Венгерское руководство справедливо заявило, что банковское дело должно быть национальным, поскольку не может быть и речи о независимости страны без национальной денежно-кредитной системы, которая в любом учебнике по макроэкономике признается кровеносной системой рыночной экономики. В 2012 г. была поставлена задача повысить долю отечественного капитала в банковском секторе до 50%, т.е. более чем в 2,5 раза. Решение этой задачи проходило с использованием разных инструментов. Так, правительство инициировало новую налоговую программу, в рамках которой был повышен так называемый банковский налог до уровня в 5–10 раз выше, чем в других странах ЕС. В результате многие иностранные банки, не выдержав налогового бремени, вынуждены были уйти с венгерского рынка. Часть иностранных банков была выкуплена государством и отечественными финансовыми институтами. Так, в 2014 г. государство приобрело в собственность немецкий MKB Bank, а венгерский Post Bank приобрел FHB Bank. После того как правительство в конце 2014 г. выкупило Budapest Bank у американской финансово-промышленной группы GE, задача восстановления национального контроля над финансовой системой страны была решена – доля отечественного капитала в банковских активах достигла 60% (Szanyi, 2016, p. 23).

Дорого обошлась банковской системе реализация возложенной на нее ответствен-

ности за восстановление системы ипотечного кредитования в стране, которая, как и в других странах ЦВЕ, практически рухнула в ходе мирового кризиса. Связано это было с тем, что подавляющее большинство граждан в предкризисные годы брали ипотечные кредиты в филиалах иностранных банков в иностранной валюте (в основном в швейцарских франках) и оказались неспособными обслуживать их вследствие резкого изменения валютного курса. Правительство в рамках *Плана мероприятий по защите домашнего очага*, принятого 12 сентября 2011 г., пошло на беспрецедентную в регионе ЦВЕ поддержку своих граждан, обязав банки конвертировать должникам непогашенную часть кредита в форинты по курсу, действовавшему до кризиса (Szanyi, 2016, p. 21).

При установлении дополнительных налогов в сфере розничной торговли, в энергетическом и телекоммуникационном секторах поддержка отечественного бизнеса осуществлялась путем введения селективных нормативов отбора компаний, подпадающих под дополнительное налогообложение. К таковым относились только фирмы с высоким годовым оборотом, а среди них подавляющее большинство были иностранными.

Нажим на иностранный капитал не был тотальным, более того, он был выверенным и учитывал значимость того или иного иностранного производства для развития страны. Летом 2012 г., когда макроэкономические показатели венгерской экономики ухудшились, ВВП перестал расти, а многие крупные фирмы отложили инвестиции на неопределенное время, государство пошло на подписание стратегических соглашений с крупнейшими компаниями трех отраслей – электроники, автомобилестроения и фармацевтики. В дальнейшем отраслевой список предприятий расширился. Типовые соглашения предусматривали сотрудничество государства с бизнесом в создании дополнительных рабочих мест, проведении совместных НИ-ОКР, расширении сети местных поставщиков, подготовке кадров. Бизнесу в обмен на

активное участие в решении перечисленных задач были предложены особый режим сотрудничества и дополнительные каналы лоббирования интересов предпринимательских структур.

По имеющимся сведениям к концу марта 2018 г. между правительством и крупнейшими компаниями было заключено 76 соглашений, 67 из которых подписано с иностранными фирмами. Венгерское государство выдвинуло четкие требования к иностранным компаниям, которые были готовы пойти на подписание такого соглашения. Они должны были на момент заключения соглашения работать на венгерском рынке не менее 5 лет, занимать на нем заметную нишу, осуществить инвестиции в размере не менее 5 млрд форинтов, иметь не менее 1000 занятых на предприятиях. В результате на иностранные фирмы, подписавшие соглашения, пришлось более 25% занятых в производственном секторе и почти 50% выпуска экспортной продукции (Stratégiai partnerségi megállapodások, 2018.03.30), т.е. венгерскому государству удалось поставить под контроль определенную часть производственного потенциала экономики.

Реализация политики экономического патриотизма, естественно, не могла обойтись без издержек. Ее критики указывают на расширение практики использования «неформальных каналов» взаимодействия правительства и бизнеса, усиление субъективизма при принятии важных для частных компаний государственных решений, рост коррупции (Djankov, 2015, p. 6–8). Оценить масштабы этих явлений и их динамику не представляется возможным. Но в конечном итоге важны экономические и политические результаты, о которых речь пойдет ниже.

Новая политика В. Орбана в целом может быть классифицирована как консервативный экономический патриотизм, предусматривающий субсидирование промышленности и поддержку неконкурентных, но национально и социально значимых производств. Оправданно ли это? На наш взгляд, такая доктрина имеет право на существование, если исходить

из того, что *экономический национализм* – это национальная политика самодостаточности (Мишель, 2013) и экономической безопасности. В результате ее реализации нация должна стать не только процветающей материально, но и более свободной, не зависящей от влияния других стран. Естественно, речь не может идти о полной независимости в современном мире, но и полная зависимость – серьезное препятствие развитию.

Действия нового правительства были вызваны не только изменениями мировой конъюнктуры, но и запросом избирателей и населения на подобную политику. По данным социологических исследований в 2009 г. больше двух третей населения Венгрии полагало, что «страна служит интересам иностранных держав» (Постсоциалистический мир..., 2017, с. 316).

Политика экономического патриотизма в Венгрии формировалась при активном участии политических элит, ответственных перед своими избирателями, и национальных экономических игроков, потесненных иностранными инвесторами и получившими в результате реализованных правительством мер пространство для своего развития. Парадоксально, но факт, что в формулировании такой политики определенную роль играли и руководители ряда иностранных компаний, базировавшихся в Венгрии и опасавшихся, что «патриотические настроения», охватившие руководителей стран их гражданства в годы мирового кризиса (в частности, требования многих лидеров вернуть на родину отечественные компании и их подразделения), негативно скажутся на их личной судьбе.

Чем обернулась реализация политики *экономического патриотизма* в Венгрии для экономики и граждан? Многие аналитики предсказывали ее полный провал и наступление экономической катастрофы. Статистические данные такого прогноза не подтверждают.

Приток ПИИ в страну действительно сократился, а в 2015–2016 гг. даже наблюдался их значительный чистый отток (20,6 млрд долл.), в результате чего объем накопленных

ПИИ уменьшился со 108,6 млрд долл. в 2013 г. до 93,3 млрд в 2017 г. Но сокращение притока ПИИ, как было показано выше, наблюдается во всех странах ЦВЕ независимо от проводимой внутренней экономической политики, что доказывает существование огромных рисков сохранения модели развития, в основе которой в течение многих лет лежало привлечение иностранных инвестиций. При этом важно отметить, что из всех секторов, выбранных в качестве целей новой экономической политики в Венгрии, накопленные ПИИ серьезно сократились только в энергетике – с 4,2 млн евро в 2010 г. до 2,2 млрд в 2016 г. В финансовом секторе они выросли на 6 млрд евро, т.е. более чем в 2 раза.

При сокращении объема ПИИ ускорилось восстановление внутренних инвестиций в экономику. К 2017 г. они практически достигли докризисного уровня 2007 г.

Начиная с 2013 г. темпы экономического роста в Венгрии превышают средние по ЕС, ускорился рост экспорта (табл. 5).

Важным достижением Венгрии в укреплении своей экономической независимости стал постепенный уход от заимствований в иностранной валюте. В 2010 г. доля кредитов, номинированных в иностранной валюте, в общем объеме задолженности венгерских домохозяйств перед банками превышала 20%, что было больше показателя любой другой страны Вышеградской четверки. Венгерское правительство вплоть до 2010 г. также предпочитало делать заимствования в иностранной валюте. В 2008–2009 гг. их доля в общем объеме государственного долга достигла 40–45%, что повысило уязвимость Венгрии к воздействию внешних шоков, практически привело к банкротству в период мирового финансового кризиса.

С приходом в марте 2013 г. в Венгерский национальный банк (ВНБ) новой команды во главе с бывшим министром национальной экономики Д. Матолчи стали использоваться нетрадиционные методы регулирования, среди которых была и *Программа самофинансирования*, которая побуждала отечественные

Таблица 5
Основные показатели экономики Венгрии

Показатели	Годы							
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Темп прироста ВВП, %	0,7	1,7	-1,6	2,1	4,2	3,4	2,2	4,0
Инвестиции, % ВВП	18,0	17,2	19,4	20,9	21,8	21,7	17,8	18,6
Темп прироста экспорта, %	8,18	2,82	-0,27	5,42	0,26	3,50	4,42	7,08
Занятость, % рабочей силы	54,9	55,4	56,7	58,1	61,8	63,9	66,5	68,2
Сальдо баланса государственного бюджета, % ВВП	-4,3	3,5	-2,3	-2,6	-2,1	-1,6	-1,7	-2,6
Внешний государственный долг, % ВВП	141,7	140,6	128,9	118,2	114,9	107,5	96,1	88,2
Дефицит торгового баланса, % ВВП	1,1	1,9	1,8	3,8	2,1	3,4	4,9	3,6

Источники: составлено по данным IMF, UNCTADstat, World Bank, UN Comtrade.

банки приобретать государственные ценные бумаги, номинированные в национальной валюте. Благодаря этому венгерское государство стало способно во все возрастающей мере финансировать свои потребности за счет внутренних источников и сократить в 2017 г. долю иностранного финансирования до 21,8%.

Возросло доверие к венгерским государственным ценным бумагам, номинированным в форинтах, и теперь население вкладывает в них более 50% своих сбережений. Эмиссия гособлигаций в иностранной валюте практически прекращена. К апрелю 2016 г. Венгрии удалось погасить последнюю часть кредитов, полученных в разгар мирового кризиса от МВФ, Всемирного банка и Европейской комиссии.

Анализируя результаты реализации политики экономического патриотизма, нельзя не отметить положительную динамику численности занятых в Венгрии. В 2010 г. она находилась на уровне 3 млн 750 тыс. человек, в 2017 г. – 4 млн 400 тыс. человек, т.е. более 68% граждан трудоспособного возраста. При этом уровень доходов достиг предкризисного уровня. Был осуществлен перевод на некоммерческую основу жилищно-коммунального хозяйства страны. В 2010 г. правительство В. Орбана запретило повышать тарифы на коммунальные услуги населению, установило так называемые ведомственные тарифы, кото-

рые неоднократно снижались в централизованном порядке⁶.

Начиная с 2014 г. стресс-тестирования банковской системы, проводимые Венгерским национальным банком, демонстрируют позитивные изменения ее финансовых показателей, в частности рост среднего показателя достаточности капитала (Capital Adequacy Ratio), который в 2013 г. составлял 16,9%, а в 2016 г. вырос до 21,5%, что позволяет говорить о нарастающей независимости Венгрии от возможных финансовых катаклизмов. Коэффициенты ROA и ROE⁷, отрицательные вплоть до 2015 г., в 2016 г. достигли пред-

⁶ Такая политика серьезно ударила по прибылям предприятий ЖКС, их владельцам было предложено продать центральным или местным органам власти убыточные активы. Практически начался процесс деприватизации и национализации социально и экономически значимых отраслей народного хозяйства. При этом, правда, многие иностранные компании получили щедрые компенсации (характерный пример – немецкая фирм RWE).

⁷ ROA (return on assets, рентабельность активов) отражает эффективность использования активов компании для генерации выручки. Рассчитывается как отношение чистой прибыли к средней стоимости активов, помноженное на 100%. ROE (return on equity) – показатель рентабельности собственного капитала компании, который демонстрирует отношение чистой прибыли к собственному капиталу.

кризисных значений, при том что процентная ставка по потребительским кредитам с 2010 г. упала примерно на 13 п.п. – до 7% (Magyar Nemzeti Bank, 2017). Несмотря на отмеченные положительные моменты, следует констатировать, что банковская система все еще остается уязвимой к шокам ликвидности.

Таким образом, новая экономическая политика в Венгрии оказалась довольно эффективной посткризисной программой. Венгерскому государству удалось восстановить определенный контроль над внутренним рынком, усилить свое влияние в финансовом секторе и ряде социально значимых отраслей экономики. При этом государственный интервенционализм не оказал фиксируемого статистикой отрицательного влияния на такие макроэкономические показатели, как рост ВВП, внутренних инвестиций, экспорта, а также занятости и заработной платы. Почти по всем перечисленным показателям Венгрии удалось достичь докризисных отметок или превысить их.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попадание стран ЦВЕ в число государств с зависимой рыночной экономикой дало неоднозначные результаты. В период мирового экономического бума обильный приток ПИИ и иностранные кредиты способствовали ускорению роста, повышению эффективности и экспортной ориентированности экономики за счет секторов с большой долей иностранного капитала. Вместе с тем в экономике возникли крупные внешние и внутренние дисбалансы, «национальный» сектор пришел в упадок, экспорт рос в основном за счет внутрифирменного обмена в рамках цепей поставок ТНК, торговля почти полностью замкнулась на рынок ЕС. Все это сделало экономику крайне неустойчивой к негативным внешним воздействиям, что было со всей очевидностью продемонстрировано мировым финансовым кризисом и кризисом

суверенных долгов в еврозоне, которые ввергли страны ЦВЕ в экономическую рецессию с последовавшей затяжной стагнацией.

Экономический рост, возобновившийся в странах ЦВЕ в последние годы благодаря увеличению потребления домохозяйств, к которому привели повышение занятости и внушительный рост заработной платы, не может считаться устойчивым, поскольку резервы рабочей силы в большинстве этих стран почти исчерпаны, а повышение оплаты труда без соответствующего роста его производительности ведет к снижению конкурентоспособности экономики. Вместе с тем возвращение прежних благоприятных внешних условий развития маловероятно, докризисная динамика международных потоков капитала и мировой торговли вряд ли восстановятся в обозримой перспективе.

В такой обстановке перед экономической политикой встают новые задачи, направленные на повышение потенциала экономического роста путем стимулирования инвестиций, поддержки инноваций и стартапов в новых секторах, расширения цифровой инфраструктуры, развития науки, улучшения качества человеческого капитала, устранения неравенства возможностей. Довольно эффективным даже в условиях небольших по размеру стран, как показывает венгерский опыт, может быть и умелое использование инструментов политики экономического национализма. Реализации такой политики в современных условиях противодействует множество объективных и субъективных факторов. Среди них – крайне отрицательное на сегодняшний день отношение к экономическому национализму ведущих международных организаций и, в частности, институтов ЕС; ограниченность материальных (прежде всего финансовых) ресурсов у руководства стран с формирующимися рынками и необходимость принятия для мобилизации этих ресурсов непопулярных мер, а также шагов, затрагивающих интересы крупных игроков рынка; сложность проведения в условиях усиления субъективных факторов в управлении экономическими процессами взвешенной

политики по противодействию разрастанию неформальных институтов, в частности коррупции. Однако трудности на пути политики экономического национализма не означают ее невозможность. Без достижения же странами ЦВЕ большей независимости в проведении экономической политики конвергенция между ними и Западной Европой может растянуться на многие десятилетия либо не состояться вовсе.

Список литературы

- Волотов О.Г., Волотов С.О. Членство Венгрии в Евросоюзе: утраченные иллюзии // Россия и современный мир. 2015. № 4 (89). С. 128–133.
- Глинкина С.П. Постсоциалистические трансформации в свете дискуссий о многообразии моделей капитализма // Общественные науки и современность. 2017. № 2. С. 5–20.
- Глинкина С.П., Куликова Н.В. Какой капитализм построен в странах Центрально-Восточной Европы // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 79–94.
- Глинкина С.П., Куликова Н.В. О модели капитализма в Центрально-Восточной Европе // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 3. С. 9–24.
- Корнаи Я. Великая трансформация Центрально-Восточной Европы: успехи и разочарования // Мир перемен. 2006. № 2. С. 7–45.
- Куликова Н. Уроки мирового кризиса в Восточной Европе // Свободная мысль. 2011. № 7–8 (1626). С. 31–48.
- МВФ. Центральная и Восточная Европа: более широкий процесс восстановления, но более медленные темпы, чем в развитых европейских странах. 11 мая 2017 г. URL: <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2017/05/10/na051117-central-and-eastern-europe-a-broader-recovery-but-slower-catch-up-with-advanced-europe>.
- Мишель Л. Экономический национализм против мировой экономики. URL: www.lucmichel.net/2013/03/23/
- Постсоциалистический мир: итоги трансформации. Т. 1. Центрально-Восточная Европа / под общ. ред. С.П. Глинкина; отв. ред. Н.В. Куликова. СПб.: Алетейя, 2017.
- Центральная и Восточная Европа: последствия долгового кризиса в еврозоне / отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2014.
- Центрально-Восточная Европа в поисках новых источников развития / отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2018.
- Békés G., Kleinert J., Toubal F. Spillovers from multinationals to heterogeneous domestic firms: Evidence from Hungary. CEPII Working Paper № 2009–31, Decembre. URL: http://www.cepii.fr/PDF_PUB/wp/2009/wp2009-31.pdf.
- Buckley N. Poland and Hungary seek more control over companies. October 17, 2016. URL: <https://www.ft.com/content/417e4558-4525-11e6-9b66-0712b3873ae1>.
- Chikan A., Czako E., Juhasz P., Reszegi L. Do foreign subsidiaries improve host country competitiveness? Insights from Hungary // Insights. 2018. Vol. 18. Issue 1. P. 16–19. URL: https://documents.aib.msu.edu/publications/insights/v18n1/v18n1_Article4.pdf.
- Clift B., Woll C. Economic patriotism: Reinventing control over open markets // Journal of European Public Policy. 2012. Vol. 19. Iss. 3. P. 307–323. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2011.638117>.
- COFACE. CEE TOP 500 Ranking. September 2018. URL: <https://www.coface.com/fr/Actualites/Publications/Publications/Coface-CEE-TOP-500-Companies-2018-Edition>
- Crouch C. Economic patriotism and the paradox of neoliberal democracy. Paper presented at the first Economic Patriotism workshop, Warwick University, 13–14 February, 2008.
- Damijan J.P., Rojec M., Majcen B., Knell M. Impact of firm heterogeneity on direct and spillover effects of FDI: Micro Evidence from ten transition countries. Institute for Economic Research (Ljubljana), Working paper № 40, December 2008. URL: <http://www.ier.si/files/Working%20paper-40.pdf>.
- Djankov S. Hungary under Orban: Can central planning revive its economy? Peterson Institute for International Economics, Policy Brief № PB15-11,

- July 2015. URL: <https://piie.com/publications/pb/pb15-11.pdf>.
- Geršl A., Rubene I., Zumer T. Foreign direct investment and productivity spillovers: Updated evidence from Central and Eastern Europe. CNB Working Paper Series. No. 8. December 2007. URL: http://www.cnb.cz/en/research/research_publications/cnb_wp/download/cnbwp_2007_08.pdf.
- Goff P.M. Limits to liberalization: Local culture in a global marketplace. Cornell studies in political economy. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2007.
- IMF. Regional economic outlook. Europe: managing the upswing in uncertain times. Washington, DC: International Monetary Fund, May 2018. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/REO/EU/Issues/2018/05/14/EURREO0518>.
- Kinoshita Y. Sectoral composition of foreign direct investment and external vulnerability in Eastern Europe. IMF Working Paper WP/11/123. May 2011. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2011/wp11123.pdf>.
- Magyar Nemzeti Bank. Financial Stability Report. November 2017. URL: <https://www.mnb.hu/letoltes/stabilitasi-jelentes-2017-november-eng.pdf>.
- Naczyk M. Budapest in Warsaw: Central European business elites and the rise of economic patriotism since the crisis. 16 Jan 2015. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2550496.
- Podkaminer L. Development patterns of central and East European countries (in the course of transition and following EU accession). wiiw Research Reports, No. 388, July 2013. URL: <https://wiiw.ac.at/development-patterns-of-central-and-east-european-countries-in-the-course-of-transition-and-following-eu-accession-dlp-2985.pdf>.
- Stratégiai partnerségi megállapodások. URL: www.kormany.hu/hu/kulgaszdasagi-es-kulugyminiszterium/strategiai-partnersegi-megallapodasok. 2018.03.30.
- Szanyi M. The emergence of patronage state in Central Europe. The case of FDI-related policies in Hungary. Working Paper. August 2016. Centre for Economic and Regional Studies of the Hungarian Academy of Sciences – Institute of World Economics.
- Zajc Kejžar K. The role of foreign direct investment in the host-country firm selection process: firm-level evidence from Slovenian manufacturing // Review of World Economics. 2011. Vol. 147. Iss. 1. P. 169–193. URL: https://www.researchgate.net/publication/225862466_The_Role_of_Foreign_Direct_Investment_in_the_Host-country_Firm_Selection_Process_Firm-level_Evidence_from_Slovenian_Manufacturing.

Рукопись поступила в редакцию 14.02.2019 г.

TO ECONOMIC PATRIOTISM: NEW TRENDS IN POST-SOCIALIST COUNTRIES – EU MEMBERS

S.P. Glinkina, N.V. Kulikova

DOI: 10.33293/1609-1442-2019-2(85)-131-149

Svetlana P. Glinkina, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow School of Economics, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, sveglinkina@yandex.ru

Nataliya V. Kulikova, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, kulikova.work@gmail.com

The paper analyzes the premises and impacts of dependent capitalism model formation in Central-East European (CEE) countries, new EU members; the model is based on large-scale inflow of foreign investments and coordination of economic ties by hierarchies of transnational corporations. It is stated that CEE countries' leaderships run into a neoliberal democracy paradox, i.e. the need to meet citizens' social demands while exercising ever less control over national economies. The prospects of dependent capitalism model continuance in the region are assessed under new post-crisis trends in world economy, in particular, in view of reduction of transborder capital flows and decelerating international trade growth.

The sources of economic growth operationalized in CEE countries in order to evolve from long-running stagnation

they found themselves in after the world financial crisis, are researched. It is proved that reliance on growing domestic consumption accompanied by weaker export orientation of the economy leads to CEE countries losing their important comparative advantages. The higher-than-anticipated growth of wages compared to labour productivity growth, depletion of reserves in utilization of labour resources cause deterioration of regional economy competitiveness.

Special attention is paid to analyze the premises of spreading of economic nationalism ideology in the region. Exemplified by Hungary, years long leader among CEE countries in foreign capital inflow, tools are demonstrated which are applied in the framework of economic policy aimed to restore state control over market economy; an attempt is made to evaluate the effectiveness of this policy. The conclusion is drawn that – contrary to liberal dogmata dominating in economic theory – making use of tools of economic nationalism can be rather efficient even under conditions of small size post-socialist countries of Europe.

Keywords: transformational reforms, dependent market economy, foreign investment, economic development, new economic policy, paradox of neoliberal democracy, economic nationalism, Central and Eastern European countries.

JEL: B52, P00, P10, P20, P30, P51, P52, 057.

References

- Volotov O.G., Volotov S.O. (2015). Hungary's membership in the European Union: lost illusions. *Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the modern world]*, no. 4 (89), pp. 47–56 (in Russian).
- Glinkina S.P. (2017). Post-socialist transformations in the light of discussions about the diversity of capitalism models. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]*, no. 2, pp. 5–20 (in Russian).
- Glinkina S.P., Kulikova N.V. (2017). What capitalism is built in the countries of Central and Eastern Europe. *Novaya i noveyshaya istoriya [New and recent history]*, no. 6, pp. 79–94 (in Russian).
- Glinkina S.P., Kulikova N.V. (2018). On the Model of Capitalism in Central and Eastern Europe. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]*, no. 3, pp. 9–24 (in Russian).
- Kornai Ya. (2006) The great transformation of Central and Eastern Europe: Success and disagreement. *Mir peremen [World of change]*, no. 2, pp. 7–45 (in Russian).
- Kulikova N. (2011). Lessons of the World Crisis in Eastern Europe. *Svobodnaya mysl' [Free Thought]*, no. 7–8 (1626), pp. 31–48 (in Russian).
- MVF. (2017). Central and Eastern Europe: A broader recovery, but slower catch-up with advanced Europe. URL: <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2017/05/10/na051117-central-and-eastern-europe-a-broader-recovery-but-slower-catch-up-with-advanced-europe> (in Russian).
- Mishel' L. Economic nationalism vs. the world economy. URL: www.lucmichel.net/2013/03/23/ (in Russian).
- Glinkina S.P., Kulikova N.V. (eds.) (2017). Post-socialist world: The results of transformation. Vol. 1. Central and Eastern Europe. St. Petersburg, Aleteyya (in Russian).
- Kulikova N.V. (ed.) (2014). Central and Eastern Europe: The consequences of the debt crisis in the Eurozone. Moscow, IE RAS (in Russian).
- Kulikova N.V. (ed.) (2018). Central and Eastern Europe in search of new sources of development. Moscow, IE RAS (in Russian).
- Békés G., Kleinert J., Toubal F. (2009). Spillovers from multinationals to heterogeneous domestic firms: Evidence from Hungary. CEPII Working Paper No. 2009-31, December. URL: http://www.cepii.fr/PDF_PUB/wp/2009/wp2009-31.pdf
- Buckley N. (2016). Poland and Hungary seek more control over companies. October 17. URL: <https://www.ft.com/content/417e4558-4525-11e6-9b66-0712b3873ae1>
- Chikan A., Czako E., Juhasz P., Reszegi L. (2018). Do foreign subsidiaries improve host country competitiveness? Insights from Hungary. *Insights*, vol. 18, iss. 1, pp. 16–19. URL: https://documents.aib.msu.edu/publications/insights/v18n1/v18n1_Article4.pdf.
- Clift B., Woll C. (2012). Economic patriotism: reinventing control over open markets. *Journal of European Public Policy*, vol. 19, iss. 3, pp. 307–323. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2011.638117>.

- COFACE (2018). CEE TOP 500 Ranking. September. URL: <https://www.coface.com/fr/Actualites-Publications/Publications/Coface-CEE-TOP-500-Companies-2018-Edition>.
- Crouch C. (2008). Economic patriotism and the paradox of neo-liberal democracy. Paper presented at the first Economic Patriotism workshop, Warwick University, 13–14 February.
- Damijan J.P., Rojec M., Majcen B., Knell M. (2008). Impact of firm heterogeneity on direct and spillover effects of FDI: Micro evidence from ten transition countries. Institute for Economic Research (Ljubljana), Working paper No. 40, December. URL: <http://www.ier.si/files/Working%20paper-40.pdf>.
- Djankov S. (2015). Hungary under Orban: Can Central planning revive its economy? Peterson Institute for International Economics, Policy Brief No. PB15-11, July 2015. URL: <https://piie.com/publications/pb/pb15-11.pdf>
- Geršl A., Rubene I., Zumer T. (2007). Foreign direct investment and productivity spillovers: Updated evidence from Central and Eastern Europe. CNB Working Paper Series. No. 8. December. URL: http://www.cnb.cz/en/research/research_publications/cnb_wp/download/cnb-wp_2007_08.pdf.
- Goff P.M. (2007). Limits to liberalization: Local culture in a global marketplace. Cornell studies in political economy. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
- IMF (2018). Regional economic outlook. Europe: Managing the upswing in uncertain times. Washington, DC: International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/REO/EU/Issues/2018/05/14/EURREO0518>.
- Kinoshita Y. (2011). Sectoral composition of foreign direct investment and external vulnerability in Eastern Europe. IMF Working Paper WP/11/123, May. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2011/wp11123.pdf>.
- Magyar Nemzeti Bank (2017). Financial stability report. November. URL: <https://www.mnb.hu/letoltes/stabilitasi-jelentes-2017-november-eng.pdf>.
- Naczyk M. (2015). Budapest in Warsaw: Central European business elites and the rise of economic patriotism since the crisis. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2550496.
- Podkaminer L. (2013). Development patterns of Central and East European countries (in the course of transition and following EU accession). Wiiw Research Reports, No. 388, July. URL: <https://wiiw.ac.at/development-patterns-of-central-and-east-european-countries-in-the-course-of-transition-and-following-eu-accession-dlp-2985.pdf>.
- Stratégiai partnerségi megállapodások. URL: www.kormany.hu/hu/kulgaszdasagi-es-kulugyminiszterium/strategiai-partnersegi-megallapodasok. 2018.03.30.
- Szanyi M. (2016). The emergence of patronage state in Central Europe. The case of FDI-related policies in Hungary. Working Paper. August. Centre for Economic and Regional Studies of the Hungarian Academy of Sciences – Institute of World Economics.
- Zajc Kejžar K. (2011). The role of foreign direct investment in the host-country firm selection process: Firm-level evidence from Slovenian manufacturing. *Review of World Economics*, vol. 147, iss. 1, pp. 169–193. URL: https://www.researchgate.net/publication/225862466_The_Role_of_Foreign_Direct_Investment_in_the_Host-country_Firm_Selection_Process_Firm-level_Evidence_from_Slovenian_Manufacturing.

Manuscript Received 14.02.2019